ВЛАДА АСТАФЬЕВА

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОСЕНИ

ДЕТЕКТИВ-ТРИЛЛЕР

Влада Астафьева

Последний день осени

Серия «Детектив-триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70298608
Последний день осени: Издательство АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-160703-6

Аннотация

Не зря говорят, что за блеском и яркостью шоу скрываются настоящие трагедии. Костя, талантливый юный певец, оказался втянут в интриги, происходящие вокруг престижного музыкального конкурса, где игра на выбывание ведется всерьез. На его сестру Женю тем временем совершено покушение. Связаны ли эти случаи? Кто ее таинственный спаситель и почему он следит за девушкой? Пришло время ответов, ведь наступил день, который решает все – последний день осени.

Содержание

1. Листья на дороге 5
2. Шоу должно продолжаться 10
3. Призрак 20
4. Осенние цветы 29
5. Семейные узы 39
6. Музыка 46
7. Решения 53
8. Наблюдение 67
9. Совпадения 79
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Влада Астафьева
Последний день осени

© Астафьева В., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

1. Листья на дороге

Машина слетела с дороги, развернулась в воздухе испуганной птицей и с грохотом, с беспомощным звоном стекла, с искрами и фонтанами взрытой земли рухнула на обочину. Всего пара секунд, а для кого-то – целая жизнь. Или остаток жизни.

Потом в новостях наверняка скажут коротко и просто: «Водитель не справился с управлением, машина слетела с дороги на сложном повороте». И это, конечно же, будет правдой. Это уже правда. Но нейтральные, как по шаблону, слова не могли вместить в себя весь ужас того мига, когда потерявший управление металл сминается, теряет форму, давит, разрывает на части беспомощные, беззащитные тела, укрытые внутри. Как будто невидимому гиганту надоело играть и он просто смахнул с дороги машинку, не заботясь о том, скольким семьям придется облачиться в траур в ближайшие дни.

Еще и солнце, клонившееся к горизонту, било в глаза – и водителю разбившейся машины, и свидетелям. Усталое осеннее солнце с длинными рыжими лучами. Оно делало катастрофу нереальной, как будто нарисованной углем на оранжевой бумаге. Но оно же вжигало образ машины, парящей в воздухе, теряющей форму, в память – так, что забыть уже не получится никогда.

Елене за ее долгую жизнь доводилось видеть много такого, что другие сочли бы чудовищным. Она давно утратила сентиментальность, ей казалось, что она готова ко всему. Но машина, слетающая с дороги, такой неожиданный переход от банального момента к бессмысленной кровавой смерти… Это ее серьезно задело. Елена даже не помнила, кричала она в этот миг или нет. Спросить было не у кого: она ехала одна.

Она ударила по тормозам, и автомобиль с жалобным визгом замер, расчертив асфальт длинными черными полосами. Елена была не единственной, кто так поступил: на повороте уже образовался затор, случившееся видели многие. Время было еще не позднее, люди спешили домой… Водитель разбившейся машины, пожалуй, тоже спешил. Теперь уже не важно куда.

Елена выбралась из автомобиля, бросилась вперед, не думая о том, закрыла она салон или нет. Это казалось неважным сейчас: ну что такое потеря какого-то жалкого имущества по сравнению с тем сокрушительным финалом, которым становилась смерть? Именно этому Елена надеялась помешать: концу всего.

Кто-то уже звонил в полицию и скорую, кто-то наблюдал за машиной издалека, но вплотную люди подходить не решались. Насмотрелись фильмов, боялись взрыва. Они и Елену попытались остановить, когда поняли, что она рвется к искореженному куску металла, который совсем недавно мало чем отличался от стоящих на дороге машин. Рядом с ним

валялись красные кленовые листья, тянувшиеся до самого асфальта. Как будто пятнами крови все заляпано…

– Женщина, куда вы лезете? Вам больше не на что посмотреть? Имейте уважение!

– Я врач, пустите!

Она не была похожа на врача сегодня. Почему-то некоторые люди ожидают, что медики даже в свободное время таскают с собой белые халаты. Но у Елены был выходной, она надела утром длинное шерстяное платье и выглядела такой же случайной свидетельницей, как все остальные.

Ее все равно пропустили. Кто-то должен был посмотреть, что случилось с людьми, оказавшимися в искореженной машине. Других желающих не было.

Елена сразу же бросилась к автомобилю, заглянула внутрь. На водительском и пассажирском креслах так и остались двое мужчин средних лет – скованных ремнями, потерявших сознание, окровавленных. Елена без сомнений проверила пульс и убедилась, что оба еще живы. Кажется, даже серьезных травм не получили… Машина была дорогая, подушки безопасности сработали вовремя.

В иное время Елена сосредоточилась бы на помощи этим двоим, но сейчас ее больше интересовал второй пассажир – пострадавший больше всего. Потому что мужчины благоразумно подстраховались ремнями безопасности, а вот девочка, ехавшая с ними, оказалась не пристегнута. Так ведь часто бывает: всем почему-то кажется, что с пассажирами, занима-

ющими задние места, ничего не случится. Все плохое происходит с первой половиной салона, таковы негласные правила игры. *Я в домике*.

Но конечно же, у реальности другие законы, которые оказались безжалостны к юной пассажирке. Сильным рывком девочку вышвырнуло из салона через уже разбитое лобовое стекло. Теперь она замерла в паре метров от автомобиля: такая крошечная, свернувшаяся в клубок, дрожащая. Сколько же ей лет? Четырнадцать, пятнадцать? Из-за крови, покрывающей ее лицо, сложно было сказать наверняка, но вряд ли больше.

Они были странной компанией, если задуматься, – эти люди из разбившегося автомобиля. Мужчины средних лет в дорогих деловых костюмах, причем одинаковых. Девочка в свободном розовом платье. Автомобиль представительского класса. Внутри нет никаких детских вещей, даже рюкзака или сумки. Куда они везли этого ребенка? Не потому ли произошла авария, что девочка отвлекла своих спутников?

Елена отогнала эти мысли – назойливые, ненужные. Какая разница? Кому сейчас нужны ответы? Полиция наверняка заметит эти странности, она и станет разбираться. Елене же требовалось вести себя как врач, помочь сначала девочке, а потом и двум мужчинам, не задумываясь о том, нравятся они ей или нет.

Поэтому Елена поспешно наклонилась над девочкой, стараясь определить характер травм и их серьезность.

– Эй, малышка, – мягко позвала Елена. – Ты меня слышишь? Ты понимаешь, что произошло?

Но девочка не слышала и не понимала, при падении она потеряла сознание. Она дышала тяжело и хрипло, тихо постанывала, но все это – не приходя в себя. И точно так же, инстинктивно, она наконец развернулась, когда Елена осторожно коснулась ее плеча, перевернулась на спину.

И вот тогда даже свободное розовое платье не смогло скрыть, что девочка-подросток на последних месяцах беременности.

2. Шоу должно продолжаться

В павильоне было шумно и душно. Горели ярко-рыжим лампы, подвешенные под далеким потолком, координаторы пытались перекричать толпу. Сопровождающих было больше, чем конкурсантов. Все не нравились всем. Круглые мамочки в цветастых платьях с подозрением смотрели на бабушек, сделавших по такому случаю укладку в парикмахерской. Молодившиеся из-за кризиса среднего возраста отцы притворялись, что происходящее им безразлично, однако украдкой ожидали вражеской диверсии: не плюнет ли кто в чашку, не порвет ли костюм? Старшие братья и сестры снимали все подряд на смартфоны, чтобы хоть как-то развлечься и вознаградить себя за потраченное время. Кадры получались в равной степени бездарные и ценные – такое вот редкое сочетание. Многим будет любопытно взглянуть, как проходят съемки популярного телешоу.

Хаотично проходят, надо сказать. То, что на экране предстанет идеальным праздником, в момент сотворения больше напоминало базар.

– Они на нас с тобой молиться должны, – заметила Женя. – Мы идеальны. Только двое, говорим тихо, никого не пытаемся ушатать термосом с куриным бульоном.

– Какой дипломатичный способ указать, что я никому не нужен, – усмехнулся Костя.

– Глупостей не говори. Мы могли бы пустить сюда стаю твоих дружков – и они были бы рады. Но кому в итоге пришлось бы сгонять этих баранов обратно в отару? Нет, спасибо, у меня есть дела поважнее! Да и вообще, тебе меня мало?

– Да я же шучу, Жень…

Казалось, что он действительно шутит, однако Женя прекрасно знала: у таких шуток было неприятное серьезное ядро внутри. Перед выступлением Костя всегда волновался – чем ближе час выхода на сцену, тем больше. В голову ему лезли мрачные мысли, от которых он старался избавиться, превращая их в шутки.

Мысли о том, что он действительно никому не нужен. Брошенный один раз, чуть не брошенный во второй… И все его нынешние попытки доказать, что и для него, Кости, уготовано место под солнцем, смотрятся просто жалкими. Куда он вообще суется такой – без армии мамушек-бабушек-нянюшек, без толпы гыгыкающих друзей, с одной лишь старшей сестрой? Которая и не сестра ему на самом деле…

Доказывать ему, что все не так, бесполезно. В прошлый раз Женя была вооружена лишь взвешенными аргументами и здравым смыслом. Тогда битву панике она благополучно проиграла: Костю накрыло прямо на сцене, он не сумел издать ни звука, так и ушел, провожаемый смешливыми заявлениями о том, что все в порядке и со всеми случается.

Он сейчас наверняка думает о том моменте. Боится. Потому и шутит все чаще, все глупее.

Женя прекрасно знала: с этим нужно что-то делать, иначе история повторится. Но ведь нельзя добиться нового результата старыми методами, правда? Поэтому она предпочитала не тратить время на лишние слова, орудуя кистью, легкой бабочкой метавшейся по целой палитре теней.

– Голову подними, осталось только подбородок закончить, – велела Женя.

– Я буду выглядеть как дебил!

– То есть как обычно? Нет, я как раз работаю над этим.

– Спасибо, блин, – фыркнул Костя, но голову все же поднял. – Говорю тебе, я буду смотреться как та школота, которой на утренниках незнакомые тетки пальцами аквагрим малюют.

– Ты вот так меня оцениваешь?

– Скажешь, получится иначе?

– Скоро сам увидишь, не болтай.

– До моего выхода пятнадцать минут…

– Константин, «не болтай» – это такое состояние, при котором у тебя челюсти не двигаются, а не при котором ты трындишь не затыкаясь!

– Хмпф!

– Очень зрелое поведение.

Женя и сама следила за временем. Со стороны она казалась невозмутимой – потому что кто-то должен был сохранять хладнокровие. Но сердце в груди колотилось все быстрее, воздуха как будто не хватало, рыжий свет больно бил

по глазам. Женя просто не могла позволить себе такую роскошь, как откровенная паника, потому что тогда и брат перестал бы сдерживаться, да и у нее дрогнули бы руки, портя такой великолепный пока результат. В истерике нет смысла даже выходить на сцену, будет как в прошлом году. Поэтому Женя была насмешливо-уверенной, и брат, не признаваясь в этом, копировал ее поведение.

Когда до выхода оставалось пять минут, Женя отложила кисточку, взяла большое зеркало и поднесла к лицу Кости. Ее брат, все это время показательно скептичный, будто делающий ей одолжение позволением нанести грим, теперь сумел выдать лишь одно:

– Ого!

– Вот именно, – усмехнулась Женя.

Это не было похоже на детский аквагрим, которого так опасался Костя. Работа получилась чуть ли не лучшей на памяти Жени – должно быть, от волнения. Казалось, что светлая кожа подростка шелушится и отваливается, высвобождая сияющую серебром чешую дракона. Женя постаралась заострить и без того тонкие черты лица Кости, превращая его в нечто среднее между человеком и ящером, который уже вышел на охоту.

Грим был выбран не случайно, он идеально подходил к внешности парня. Костя смотрелся старше своих шестнадцати лет, он рано повзрослел. Поэтому теперь он был не мальчиком, который балуется маминой косметикой, а потусто-

ронним существом – рослым, плечистым, с длинными черными волосами и пронзительными голубыми глазами, сиявшими среди нарисованной чешуи.

А главное, он был в маске, той, которую невозможно снять или потерять. Женя видела, что это уже влияет на него – отгоняет то самое стеснение, которое так часто ему мешало и которое он никак не мог подавить. Парень смотрел в зеркало и понимал, что это сейчас не *он*, а нечто новое. Если и будут смеяться, то не над Костей, бояться нечего. А раз так, зачем же давать им повод для насмешек?

– Это будет твой день, я чувствую, – усмехнулась Женя.

Ответить очередной колкостью Костя не успел – в их далекий угол пробился один из координаторов:

– Рябинин здесь? Константин Рябинин, сколько можно звать? Ох, ни хрена ж себе…

На Костю Рябинина координатор готов был наорать, срывая злость за всех кудахчущих родственниц, которые сегодня высказывали ему свое недовольство. Но от человека-ящера, будто выбравшегося из параллельного мира, он лишь испуганно шарахнулся.

– Вот примерно так Константин Рябинин и выглядит, – с невинным видом заметила Женя, подмигнув брату.

В соседний павильон, где шли съемки, они прошли вместе: Костя – на сцену, Женя – в комнату для болельщиков. По пути туда она встретилась с родителями, уводившими куда-то рыдающую девочку в нарядном платье. Не прошла,

значит… Ей наверняка сказали много хорошего. Про то, что она молодец, но нужно еще немного поработать над собой. Или про то, что «вы так хороши, что вас больше нечему учить». Или про то, что это конкурс, иногда просто не везет.

Слова не имели большого значения на самом-то деле. Не для подростков так точно. Важен был только результат: ты проходишь или нет. Победитель или неудачник. Здесь работали с возрастной группой, которая при желании могла стать официальным лицом юношеского максимализма. С учетом этого рыдающие дети были не так уж плохи, скоро они восстанавливались и готовы были снова карабкаться к вершине. Куда внимательней нужно было следить за теми, кто продолжал натужно улыбаться и часто моргать, чтобы скрыть слезы.

Костя был из молчаливых. Год назад ему потребовался месяц, чтобы прийти в себя. Но каждая новая неудача оставляет шрам, и раны заживают дольше. Женя понятия не имела, что будет делать, если и на этот раз все сорвется.

Впрочем, о таком пока рано было думать. Из комнаты болельщиков открывался великолепный вид на сцену, и Женя могла наблюдать, как ее брат выходит в яркий свет софитов. Костя сразу же произвел фурор: члены жюри переглядывались, обсуждая что-то; пожилой композитор одобрительно кивнул, певица, похожая на волосатого попугая, радостно хохотала, снимая конкурсанта на смартфон.

По-настоящему Женю интересовали не они, а Костя. Он как раз радовал: наблюдал за всеобщим оживлением со снис-

ходительностью опытного артиста, улыбался и позировал. В прошлый раз он почти сразу замер, могильно серьезный, напряженный до предела, будто каждую мышцу в его теле свело судорогой. Начало другое – это к лучшему, однако расслабиться Женя себе не позволила. Костя лажал, когда терял голос. Никто из членов жюри просто не успевал узнать ту удивительную правду о нем, которую знала его сестра. Все будет по-другому, только если он запоет, иначе никакое первое впечатление ему не поможет.

Только бы он запел…

Члены жюри наконец налюбовались необычным конкурсантом, затихли, свет погас, остался только единственный яркий луч, четко очерчивавший строгие линии фигуры артиста – будто не шестнадцатилетнего мальчика даже, а молодого мужчины. Или посланника других миров, что куда вероятней. Зазвучали первые аккорды, и Женя невольно задержала дыхание, хотя никакой пользы от этого не было. Но как дышать, если воздух кажется наполненным электричеством, а сердце колотится так громко, что может заглушить любые звуки?

И все равно она услышала. На этот раз Костя, сковавший волнение маской, справился. Он показал, почему его пустили сюда, почему он достоин большего. Первые слова, первые строки, еще вкрадчиво тихие, – и члены жюри пораженно замирают, перестают усмехаться. Они думали, что красивого мальчика добавили в программу только для шоу? Тогда

их ждет сюрприз.

Женя никогда не была фанаткой музыки и не могла сказать, что ей достался идеальный слух. Но для того, чтобы понять необычность голоса Кости, идеальный слух был и не нужен. После раннего взросления парню достался редкий тембр, завораживающий, потусторонний, неуловимо похожий на голос Фредди Меркьюри в лучшие его дни. Костя знал об этом сходстве и теперь пользовался сполна. По темному залу мистической дымкой стелились строки песни The Show Must Go On – «Шоу должно продолжаться». Одно из последних посланий Фредди. Негласный гимн его жизни и смерти.

Костя говорил, что выбирает эту песню ради шок-эффекта. Тут он, конечно, преуспел: члены жюри смотрели на него так, будто пространство разорвалось и из-за завесы смерти к ним шагнул тот самый – снова живой, снова молодой, снова побеждающий всех… Женя догадывалась, что есть и еще одна причина, менее очевидная. Брат прекрасно знал, что это ее любимая песня. Он хотел сделать приятное, не акцентируя на этом внимание. Вполне в духе Кости, который почему-то стеснялся быть добрым открыто.

Он был собой, забывшим про то, кто на него смотрит, про свои цели и амбиции. Даже Женя, знавшая, на что он способен, вынуждена была взглянуть на него по-новому – и как будто не только она… Она оставалась в комнате болельщиков в одиночестве, такой яркий контраст по сравнению с бод-

рыми толпами, сопровождавшими других конкурсантов. И все равно Женю не покидало ощущение, что кое-кто сейчас рядом с ней – незримый, стоящий за ее плечом. Главная фанатка Кости, поверившая в него тогда, когда не верил еще никто.

Смотри, мам, он справляется… Ты была права, он справится… Зря я тебе не верила. Наш мелкий совсем взрослым стал, мама, посмотри же…

Время шло, музыка распахивалась за спиной Кости гигантскими крыльями, а члены жюри просто слушали, завороженные. Женя невольно забеспокоилась, прижалась к стеклу. Да что с ними не так? Почему не нажимают на эти свои дурацкие кнопки? Пару часов назад какой-то забавный толстячок фальшивил тут песенку из детского мультфильма – так они по приколу сразу проголосовали! А теперь что? По сравнению с теми песенками Костя был титаном, возвышающимся над муравьями. Почему его не пропускают в следующий тур? Или опять послушают и заведут свою издевательскую песенку о том, что конкурсант слишком хорош для их жалкого шоу и дома ему будет лучше?

Но нет, это был не тот случай. Когда Костя перешел к последним словам и зазвучали в воздухе дрожащие ноты, люди в креслах будто проснулись. Они рванулись к кнопкам с такой скоростью, словно от этого зависела их жизнь. Удар, второй – и загораются один за другим сигналы одобрения, означающие, что в этом году у Кости все получилось.

Ведущий в коридоре взволнованно рассказывал перед объективом камеры, что на этом выпуске шоу родилась долгожданная сенсация. Женя прекрасно знала, что он не преувеличивает.

Стартовую черту, сдерживавшую их столько лет, они наконец-то миновали. Но вот что будет дальше – Женя пока и представить не могла.

3. Призрак

Рита увидела призрака.

Хотя нет, это было явным преувеличением. Если бы ее спросили, видела ли она его на самом деле, она ничего не смогла бы подтвердить. Потому что не было того заветного момента, дарившего уверенность, момента, когда призрак появился бы прямо перед ее глазами.

Он был скорее тенью на границе ее зрения, необъяснимым ощущением слежки, рассеянным чувством тревоги. Он был бедой, которая неожиданно ворвалась в уютный мир Риты и отказывалась уходить.

Рите еще и пожаловаться на происходящее было нельзя. И не только потому, что ее обязательно сочли бы сумасшедшей. Просто любой, с кем она взялась бы обсуждать такое, наверняка спросил бы ее, что это за призрак. Ведь даже фантомы, вырывающиеся из памяти, обычно хранят в себе связь с реальным миром… Что тебе мерещится, детка? И почему именно это?

Ей пришлось бы настаивать, что она ничего не знает и даже не подозревает. Призрак и призрак, псих какой-то. Вот только Рита на самом деле знала… и кто-то мог распознать ее ложь. Она не подозревала, почему ее память вдруг воскресила монстра. Но кто это такой – Рита догадалась без труда, она просто не могла понять, почему он, почему сейчас…

Она должна была справиться сама. Поэтому Рита нервно отшучивалась, когда Диана, заметившая ее необычную бледность, пыталась расспросить подругу. Или когда муж указывал, что она стала слишком нервной. Рита всему находила объяснение, казавшееся более-менее логичным. Диана вряд ли поверила, но отступила, сообразив, что нарвется на ссору, если продолжит давить. Гриша и вовсе поверил ей на слово, ни в чем не разбираясь, у него своих проблем хватало.

Жаль, что избавиться от призрака было не так просто, как от этих двоих. Он был с ней всегда. Он стоял в толпе на другой стороне улицы, когда она ходила по магазинам. Он был тенью, мелькнувшей на сиреневой аллее, когда Рита забирала Даника из Центра раннего развития. Призрак мог оказаться любым прохожим, он таился в темноте за неоновыми вывесками большого города…

В какой-то момент Рита почувствовала, что не справляется – страх и сомнения давили ее незримым грузом. Тогда она и решилась рассказать обо всем своему психологу. Во-первых, он уже многое знал по ее предыдущим рассказам, ему не нужно было объяснять, кто охотится за ней. А во-вторых, Рита не сомневалась, что он будет молчать и никому больше не сообщит о ее возможном сумасшествии. Может, было несколько наивно вот так полагаться на врачебную этику, но что еще ей оставалось?

Психолог не рассмеялся и не начал сокрушаться о ее безумии – уже хорошо. Но и на помощь он не спешил.

– Как вы думаете, почему эти видения начались именно сейчас? – поинтересовался он. – Что могло их спровоцировать?

– Я, если честно, не уверена до конца, что это именно видения…

– Чем еще это может быть?

Глупо прозвучит, глупо… А сказать все равно нужно. Поэтому Рита сделала глубокий вдох, словно собираясь нырять в ледяную воду, и наконец решилась посмотреть психологу в глаза.

– Что, если это он? Настоящий, вернулся… Снова мне жизнь отравлять будет!

Собеседник ее предположением впечатлен не был.

– У вас есть основания так считать, Маргарита?

– Только он мог бы… охотиться за мной… вот так…

– Но ведь столько лет прошло, – мягко напомнил психолог. – Вы помните сколько?

– Очень много… Половина моей жизни. Ну и что? Он непредсказуем! Вдруг он решил отомстить мне за то, что я стала счастливой…

– Но вы ведь стали счастливой не вчера и не сегодня, не так ли? За эти годы в вашей жизни было много счастливых событий.

– Да… очень, – растерянно отозвалась Рита.

– Но он хоть раз появлялся? Беспокоил вас? Пытался выйти на связь?

– Нет, никогда… Я и сама не понимаю, почему вижу его!

– Потому что осень, – невозмутимо произнес психолог.

Рита мгновенно смутилась:

– Вы имеете в виду осеннее обострение? Значит, я все-таки сумасшедшая?

– Маргарита, милая, ничего подобного я не говорил. На осень я указываю лишь потому, что приближается годовщина тех самых событий. Возможно, в вашей жизни накопились источники стресса, которые проявляют себя вот так, это тоже бывает. Но для начала вам нужно понять: ничего на самом деле не происходит. Прошлое за вами не вернулось.

Он еще долго разговаривал с ней, доказывал, убеждал. Рита не спорила, потому что спорить оказалось бесполезно: все разумные аргументы остались на стороне ее собеседника. И она почти поверила ему… Почти. Но не до конца.

Психолог рассуждал об этом из своего теплого безопасного кабинета, он не чувствовал того же, что чувствовала она. Ему неведом был ледяной ужас, сжимавший сердце Риты, когда она замечала темный силуэт в десятке метров от площадки, на которой играли ее дети. Да и потом, этот аргумент про осень… Он дурацкий, если задуматься. Осень наступала снова и снова, годовщина тех событий приходила и уходила. Это влияло на Риту в первые годы после того, что случилось, но не теперь.

Так что она принимала успокоительное, чтобы окончательно не сойти с ума, однако расслабляться не собиралась.

Рита сделала все, чтобы не оставаться в одиночестве – и чтобы ее дети всегда были под присмотром. Может, она и не могла поделиться с близкими своей темной тайной – они бы точно не поверили ей, раз даже психолог не поверил! Однако Рита умела организовать все так, чтобы поблизости постоянно находились другие люди.

Она гнала от себя мысль о том, что, если темный силуэт ей не мерещится, если это действительно *он*, никакие другие люди ей не помогут.

Большую часть времени у Риты все было под контролем. Сама она не допускала ошибок – зато окружающие не спешили упрощать ей жизнь.

– То есть как это – ты ночевать не приедешь?! – возмутилась Рита в телефонную трубку.

– Прости, зайка, много работы, я не успею добраться до дома и не хочу ехать ночью в такую погоду, – отчитался Гриша.

– Я должна этому поверить? Что ты дома не ночуешь из-за легкого дождика?

– Солнышко, не утрируй. Там далеко не легкий дождик. Или ты думаешь, что я тебе изменяю? Давай я сейчас на видеочат перейду, чтобы ты лично убедилась, где я и с кем я!

Мысль об измене почему-то даже в голову ей не пришла. Это было почти забавно.

– Да не нужен мне никакой видеочат! – поморщилась Рита. – Я тебе верю… Ну, насчет измен и дождя. Я просто не

хочу быть одна.

– Я буду дома уже утром, потерпи чуть-чуть! Или что-то случилось?

– Нет, ничего не случилось… Ты же знаешь, я просто не люблю быть одна по ночам.

– Я знаю, и мне жаль, что так получилось. Но я прямо сейчас домой не телепортируюсь!

– Я… я понимаю. Я подожду.

Что еще ей оставалось? Она не могла рассказать Грише правду про черный силуэт, который наверняка обрадуется тому, что она осталась в доме одна с двумя маленькими детьми. А если бы и могла, прямо сейчас это ничего не изменило бы. Гриша все сказал верно: он далеко и рядом он не окажется при всем желании.

Рита готова была терпеть, снова и снова повторяя себе, что справится. Тревогу чувствовала она одна: дети оставались спокойны, они не оглядывались по сторонам и не замечали тех быстрых теней, которые так пугали их мать. Хотя бы ради малышей Рита должна была взять себя в руки.

Она долго играла с детьми, уложила их спать точно в срок, читала им сказки, пока они не уснули. Теперь Рита собиралась задержаться на первом этаже с книгой, а потом тоже отправиться в постель. Умный взрослый план…

Который не сработал.

Тревога отпустила ее ненадолго, лишь на то время, пока она возилась с малышами. Когда Рита осталась одна, ощуще-

ние постороннего присутствия навалилось на нее с новой силой. И не простое ведь ощущение! Ей казалось, что на кухне мелькнуло движение, что наверху она услышала шаги, что занавеска колышется куда сильнее, чем предполагает сквозняк…

Рита не могла это больше выносить. Не могла, и все. Наплевав на гордость, она взяла телефон и позвонила на пост охраны.

Гриша специально выбрал этот поселок – из-за того, что жители здесь оставались под охраной двадцать четыре часа в сутки. Муж понимал, что порой ему придется уезжать в командировки, и хотел, чтобы Рита постоянно чувствовала себя в безопасности. Прежде ей не случалось обращаться к этим людям, а сегодня по-другому было нельзя.

– Кажется, в моем доме кто-то есть, – прошептала она в трубку. – Что?.. Нет, я никого не видела. Просто такое чувство! Вы не могли бы прийти и проверить? Прямо сейчас!

Ей несложно было представить охранников, с которыми она сейчас говорила. Сидят где-то пузатые дядьки, ухмыляются, потом будут обсуждать «неврастеничную домохозяйку». Рите было все равно. Пусть придут сюда, обыщут весь дом, убедят ее, что поблизости нет посторонних. Пусть гарантируют, что ее детям ничего не угрожает! А потом уже они могут шутить о чем угодно.

Отказать ей охранники не могли, даже если считали ее сумасшедшей. Они пришли быстро, минут через пять, и даже

потрудились сделать вид, будто беспокоятся за нее. Рита зажгла в доме свет, оставила охранников обыскивать первый этаж, а сама направилась наверх, к детям.

Она уже не сомневалась, что все будет хорошо. Рита просто собиралась подождать рядом с маленькими – на случай, если Даник и Ника проснутся. Ну а дальше стыд поможет ей заглушить страх, она наконец-то уснет…

Она убедила себя, что так и будет, обязательно. А потом оказалось, что она поторопилась.

Рита увидела его сразу же, как только открыла дверь. На этот раз силуэт не таился в темноте – он стоял прямо перед ней. Четкий черный контур на фоне большого окна, сияющего желтым и оранжевым светом уличных фонарей. Он показался ей огромным… Больше, чем человек. Монстр, стоящий между кроватками ее семилетнего сына и пятилетней дочери. Он находился к ним куда ближе, чем сама Рита. Он мог сделать что угодно.

Такого ужаса она еще никогда не чувствовала – абсолютного, наполняющего каждую клеточку ее тела. Рита так долго убеждала себя, что ей просто чудится… Она допустила ошибку. Она проигнорировала все предупреждения и проскочила черту, за которой стало слишком поздно.

– Помогите! – крикнула она. – Сюда, скорее! Он здесь!

Она отвернулась только на секунду. Буквально на миг – посмотрела на лестницу, по которой уже спешили к ней охранники. Но ему этой секунды хватило, чтобы исчезнуть.

Как призрак… или как галлюцинация.

Когда в детской вспыхнул свет, настороженные охранники увидели лишь две кроватки, в которых мирно спали целые и невредимые дети. Окно было закрыто. На светлом ковре не осталось ни единого следа – хотя снаружи по-прежнему лил дождь, так напугавший Гришу.

Сейчас Рите полагалось смутиться, объявить себя дурой, извиниться за доставленное беспокойство, а она не могла. Она точно знала, что он был. Не оставил следов, растворился? Он и не такое умеет. Возможно, и вовсе завис по ту сторону окна, он сумел бы, она никогда не знала, чего от него ожидать… И не остановили его ни годы, ни отсутствие причин для возвращения.

Рита, дрожащая, испуганная, обнимающая ошарашенных таким неожиданным пробуждением детей, была вынуждена признать, что тихой и мирной ее жизнь уже не будет.

4. Осенние цветы

Жене всегда казалось, что осенние цветы особенные. Впитавшие в себя насыщенную яркость теплого сезона. Отличающиеся сочными, упругими лепестками, крупные, яркие. Никакой робкой нежности первоцветов, никакой кокетливой сладости цветов лета. Осенние цветы – это вспышки красоты, прочерчивающие границу перед черно-белой зимой.

Сегодня у Жени появился прекрасный шанс вспомнить об этом – она оформляла осенними цветами целую стену. Созвездие пушистых астр. Пылающие факелы гладиолусов. Маленькие солнца – красные и желтые георгины. Клиент не ограничивал бюджет, Женя получила все, что хотела, и теперь цветы под ее руками превращались в сложную мозаику. Пара часов – и казалось, что в воздухе застыл водопад из разноцветных лепестков. Каждый цветок был на своем месте, между ними не осталось пустот, стена была больше, чем букетом, она была картиной.

Так считала не только Женя.

– У тебя определенно талант! – восхищенно заметила Алина, разглядывая цветочное полотно.

– Если задуматься, в этом нет ничего особенного.

– Ага, только почему-то так можешь сделать только ты. Если попытаюсь я, будет куча фигни на проволоке.

– И это придает моему существованию хоть какой-то

смысл – рассмеялась Женя.

– Ой, не кокетничай, я ж тебя не просто так хвалю! Во-первых, за сегодняшний заказ я добилась для тебя двойного гонорара…

– Не стоило. Если Тарасова решит, что я обхожусь ей слишком дорого, я просто потеряю работу.

– Не решит она так, – отмахнулась Алина. – Она прекрасно знает, что деньгами заведую я. Тебя к переговорам о гонораре даже близко подпускать нельзя, тогда ты будешь работать за бутерброд с маслом и наклейку с куклой Барби.

– Не без того… Ты сказала «во-первых». Будет и «во-вторых»?

– Еще бы! Во-вторых, я подала от твоего имени заявку на участие в том проекте в Сочи. И уж поверь мне, шансы на успех очень высоки!

Женя только и могла что уставиться на нее молча, не зная, что сказать. Она прекрасно понимала, о каком проекте шла речь – грандиозной съемке прямо на берегу моря с лучшими фотографами и необычными моделями. Да она сама рассказала Алине про это! Потому что хотела поучаствовать…

И не могла. Об этом Алина тоже знала. Просто остаться в стороне от такого проекта было обидно, но отказаться осознанно, зная, что ее могли принять… может, уже приняли? От этого становилось только тяжелее.

Алина, как и следовало ожидать, истолковала ее молчание неправильно:

– Что, нет подходящих слов благодарности? Так не благодари пока, еще ничего не оформлено!

– Я не о благодарности думаю, – опомнилась Женя.

– А о чем же?

– Если я тебе во все подходящие отверстия напихаю гладиолусов, ты будешь считаться арт-объектом или декорацией для порнофильма?

– Нормальная у тебя реакция на дружескую помощь!

– Это не помощь, Алина. Ты знала, что я не смогу поехать… Знала ведь! Тебе поиздеваться надо мной захотелось?

Женя понимала, что реагирует слишком бурно, оно того не стоило. Но дело было не только в сорвавшемся проекте, слишком многое в последнее время накопилось: постоянное напряжение, недостаток сна, необходимость выполнить в день на сотню дел больше, чем обычно. И все это не ради себя – ради других, просто о таком Женя предпочитала не думать. Но тут ей напомнили, и морской ветер с берегов далекого Сочи показался таким реальным, что невольно защипало глаза.

Слезы были неуместны – унизительны даже. Плакать при Алине и остальной команде Женя точно не собиралась. Она поспешила отвернуться, торопливо собирая в сумку инструменты. Хорошо, что работа закончена и можно уйти отсюда, ничего больше не объясняя.

До Алины же только теперь дошло, что ее собеседница не

шутит и соглашаться не собирается.

– Женька, да ты чего? Это же шанс!

– Мы все обсудили – причем до того, как ты полезла не в свое дело! Съемки у Кости будут идти всю осень, куда я поеду?

– В Сочи, – невозмутимо ответила Алина. – А Костик твой обойдется неделю без тебя, немаленький уже!

– Немаленький – но и с такими испытаниями, как сейчас, он еще никогда не сталкивался. Я не могу его бросить, это не обсуждается!

– Может, лучше спросить у него?

– Я не собираюсь давить на него чувством вины, – отрезала Женя. – Конечно, он согласится… Поэтому он про Сочи ничего не узнает.

– Женька, ты что, не понимаешь, что творишь? Ты намерена всю оставшуюся жизнь на служение ему положить?

– Это не служение, это поддержка! Этот проект может для него многое изменить – всю его жизнь!

– А как же твоя жизнь? – парировала Алина. – Ты хотя бы отдаленно представляешь, когда она начнется? Или всегда будет находиться очередная потребность Костика, которой нужно заняться? А ты – как-нибудь потом, если захочется… Только вот тебе такими темпами и хотеться перестанет!

Обсуждать это Женя не собиралась. Нет, ей было что возразить – но любые слова звучат жалко, если произносить их со слезами в голосе. То, что эти слезы совсем из-за другого,

никому не объяснишь. Поэтому лучшим вариантом сейчас было удрать: закинуть сумку на плечо и быстрым шагом направиться прочь с площадки, зная, что Алина следом не пойдет, у нее еще полно работы. Ну а потом… Дня три-четыре не отвечать на звонки, сделать вид, что ничего не случилось, и никогда не возвращаться к этой теме. Вопрос с Сочи все равно станет неактуален – время проходит неумолимо, даже когда никто не снимает трубку.

Женя села в машину и некоторое время не делала ничего – не двигалась с места, даже не заводила мотор. Слезы нужно было отогнать. Убедить и себя, и весь мир, что ничего на самом деле не случилось, а сорвавшаяся поездка в Сочи – это косяк Алины, не более. Вот тогда исчезнет риск сорвать раздражение на других, потому что никакого раздражения не будет.

Когда она наконец справилась с собой, быстрый взгляд на часы подсказал, что до конца репетиции еще сорок минут. Достаточно времени, чтобы заскочить в кафе и сделать вид, что работа над стеной осенних цветов завершилась кофе с кленовым сиропом, а вовсе не сорвавшейся поездкой в Сочи… Да откуда эта поездка все время вылезает?! Ее и не могло быть. Никто ни на что не согласился.

В обеденное время зал кафе был полон народа, но Женя все равно нашла свободный столик. Много ли одной нужно? Она устроилась у окна, грея ладони о белую керамическую чашку, от которой пахло тягучей сладостью, особенно

приятной в холодную погоду. Здесь Женя могла не только наслаждаться напитком, но и украдкой разглядывать своих случайных соседей. Ей нравилось думать об этих людях, которых она видела первый и последний раз, представлять их жизни, делать вид, что она знает их. А если она знает их, значит, ее мир не сосредоточен на одном человеке, все в порядке, все под контролем.

Вот сидит молодая мама с двумя детьми. Они достаточно взрослые, чтобы ходить в садик, но она не хочет никому их отдавать, ей куда приятней проводить время с ними. За соседним столиком пьет черный кофе мужчина с интересной внешностью – молодой, это сразу заметно, но с абсолютно седыми волосами. Жене было любопытно посмотреть, какого цвета у него глаза, однако он даже в кафе не снял солнцезащитные очки. Должно быть, ждет кого-то… Рядом с ним – два бизнесмена, нервничают, спешат куда-то, ругаются. Наверное, упустили важный контракт. Или поездку в Сочи… Да что ж такое!

Настроение снова испортилось, Женя даже не допила кофе – так и бросила полупустую чашку на столике. Она решила приехать к павильону пораньше и подождать уже там. Но сегодня определенно был не ее день, и она умудрилась застрять в пробке там, где пробок никогда не было.

В итоге она, выехавшая раньше срока, опоздала на двадцать минут. Она прекрасно понимала, что Костя ее не упрекнет, однако возмущенно сопеть будет всю дорогу. Ну

да и ладно, переживет…

Она как раз думала об этом, когда увидела Костю и поняла, что он эти двадцать минут даже не заметил. А может, они показались ему вечностью? Все зависело от того, как он относился к своей неожиданной компании – он ведь дожидался сестру не один, рядом с ним стояли три представительницы прекрасного пола.

Две были молодые и на женщин пока не тянули, такие же подростки, как и сам Костя. Одна – в сияющем пайетками платье, ярко накрашенная, наверняка с репетиции. Вторая похожа на нее, но без косметики, в выцветшей майке и потертых джинсах. Даже если девицы смущали Костю, он бы никогда этого не показал, в их компании он казался опытной звездой сцены и покорителем сердец.

Однако окончательно настроиться на звездный лад ему мешала третья собеседница – полная дама лет шестидесяти, одетая ярко и на удивление вульгарно. Короткое платье цвета полинялого леопарда не подошло бы вообще никому, а тут возраст делал хуже то, что, казалось, хуже стать не может. Однако даме платье нравилось – как и яркий макияж, как и платок-бант, подвязывавший выкрашенные в блонд волосы. Рядом с этой особой Костя тоже старался держаться уверенно, но артистизм его подвел, когда женщина доверительно подхватила его под локоть.

– А что тут происходит? – жизнерадостно поинтересовалась Женя, приближаясь к компании.

– Ничего особенного, – безразлично заявил Костя и тут же ужом вывернулся из дамского захвата. Отпечаток дешевой помады у него на щеке намекал, что он и так достаточно страдал.

– Знакомимся с конкурентами, – игриво сообщила дама. Ярко накрашенная девушка смотрела на Женю с такой же уверенностью. Та, что была не накрашена, смущенно опустила взгляд. – Меня зовут Ирина, это мои внученьки – Людочка и Александрина. Александрина как раз участвует в конкурсе – и никому не намерена отдавать победу!

Вот теперь Женя их вспомнила. Во время отбора бабушка и внучка были в общем павильоне, но без своей ненакрашенной родственницы. Александрина тогда требовала у окружавших заткнуться и не добавлять ей головной боли. Бабушка, кажется, успела подраться с чьим-то отцом – два раза. Оба раза она победила.

Тогда Женя не обратила на них особого внимания, потому что странноватой публики в павильоне хватало. Но вот они нацелились на Костю, который уже успел стать фаворитом. Байки о случайных встречах или внезапно вспыхнувшей дружбе на этом фоне не впечатляли. Улыбаться, демонстрируя покрытые смазавшейся помадой зубы, Ирина могла сколько угодно. Взгляд у бабушки-вамп был внимательный и настороженный. Жене это не понравилось.

– Мы бы и рады с вами поболтать, но мы очень заняты, – объявила Женя. – Просто кошмар, мальчик дышать не успе-

вает!

– Может, посидим где-нибудь, пообщаемся? – настаивала Ирина.

– У нас бассейн.

– После бассейна?

– Игра на цимбалах.

– Правда? – заинтересовалась Александрина.

– На гитаре, – мрачно уточнил Костя.

– Все время путаю, – пожала плечами Женя. – А потом кулинарный мастер-класс, уход за хомячками, перевод старушек через дорогу… Мы заняты до четверга! Или до ноября, как пойдет. В любом случае всего хорошего!

Прежде чем растерявшаяся от такого расписания Ирина успела перегруппироваться, Женя подхватила брата за руку и потащила в сторону машины. Преследовать их странная троица не решилась, однако и уходить не спешила. Отъезжая от тротуара, Женя видела в зеркале заднего вида настороженный взгляд Ирины.

– Что им было нужно? – поинтересовалась она.

– Понятия не имею, – ответил Костя. – Налетели на меня со всех сторон, как будто мы старые друзья, убалтывать начали… Бред какой-то!

– Да нет, не бред… Многие уже говорят о том, что ты победишь. Не думаю, что Ирину по прозвищу Леопард устраивает такой вариант.

– И что она мне сделает? Она же просто бабка!

– Не ищи здоровую логику в больной голове.

– А ты не нагнетай, – указал Костя. – Может, они и правда хотели подружиться? Короче, я сам разберусь, не парься… Что у нас на обед?

Он и правда не видел в произошедшем большой проблемы… Да вообще никакой не видел. Вот и куда его такого наивного одного оставлять? Нет, сейчас Жене нужно было присматривать за ним особенно внимательно.

Ну а Сочи… Сочи и другие интересные проекты подождут, для них еще будет время – когда-нибудь потом.

5. Семейные узы

Звук, который разбудил Григория, был странным. Неожиданным. Абсолютно неуместным здесь, и разгадать его природу получилось не сразу. А когда все-таки получилось, результат оказался настолько невероятным, что Григорий не решился в него верить.

Ну не может же так быть, что его разбудило испуганное поскуливание, правда?

Когда он засыпал, никаких животных рядом не было. Была только Настя, которая в рабочие часы именовала себя Снежаной. Григорий находил это непередаваемо глупым, потому что никто из клиентов все равно не называл ее по имени. Однако девица эта, как бы она себя ни называла, скулить бы не стала. Она будила мужчин, спавших рядом с ней, совершенно иначе, нарабатывая чаевые. Григорий знал это наверняка, он не впервые пользовался ее услугами.

Теперь ему пришлось открыть глаза, чтобы разобраться, кто же рядом с ним скулит и куда подевалась Настя. Ответы он получил сразу, только вот они понравились ему не больше, чем звук. Настя, в которой уже не угадывалось и намека на знойную Снежану, по-прежнему была рядом с ним – сидела на кровати у самой стенки. Скулила все-таки девица, а вовсе не прокравшаяся в комнату дворняга. Не просто так, естественно. Взгляд Насти был устремлен на трех незнаком-

цев, оказавшихся в спальне.

Впрочем, незнакомцами они были только для Насти. Григорий прекрасно знал и пожилого мужчину, сидящего в кресле возле журнального столика, и двух громил рядом с ним. Насте они наверняка казались типичными бандитами из девяностых, пришедшими, чтобы всех убить, замотать в ковер и закопать в лесу. Григорий знал, что это лишь один вариант развития событий – к сожалению, вполне вероятный.

Но показывать страх было нельзя. Это делу не поможет, только хуже станет. Поэтому Григорий сел на кровати, игнорируя головную боль. Его одежды рядом больше не было, ему только и оставалось, что прикрыться одеялом.

– Какого черта? – хмуро осведомился Григорий, глядя на пожилого мужчину. Громилы сейчас не имели никакого значения, вряд ли им хотелось быть здесь, но против приказов начальника не попрешь.

– Да, не самая приятная встреча, – кивнул пожилой мужчина. – Проще было позвонить. И я честно пытался, но ведь ты не берешь трубку. Ты думаешь, неотвеченный звонок разорвет семейные узы? Нет, все не так просто.

На такое Григорий как раз не надеялся. А на что надеялся – он и сам сказать не мог. В глубине души он знал, что ничем хорошим ссора с тестем не кончится, он просто не ожидал, что Дубровин начнет действовать настолько нагло.

Повинуясь жесту работодателя, один из громил швырнул

Насте скомканное платье. Та поспешила натянуть полупрозрачную тряпку, однако с места не двинулась.

– На выход, – скомандовал Дубровин. – Есть знания, с которыми долго не живут.

Лучшей мотивации Насте не требовалось. Она никогда не рвалась к знаниям, а уж к тем, с которыми долго не живут, тем более. Не глядя больше на Григория, она шустрым зверьком рванулась к выходу, не озадачиваясь тем, что на ковре по-прежнему валялись ее туфли и трусы. Опечалит ее все равно только потеря туфель, но не настолько, чтобы жизнью рисковать.

Дубровин даже взглядом ее не проводил, свидетельница ему была не нужна. Ну а то, что его люди и так сняли Настю в постели с чужим мужем, Григорий не сомневался. Ситуация складывалась не критичная, но паршивая. Похоже, придется подыграть…

– Она ведь уверена, что меня сегодня убьют, – усмехнулся Григорий.

– А ты так уверен, что не убьют?

– Многовато возни. Оно того не стоит.

– Не в этот раз, – кивнул Дубровин. – Хотя ты, признаюсь, меня не радуешь.

– Если вы про эти выходные…

– Я про то, как ты радостно вилял хвостом, когда тебе нужна была помощь, и оскалился, когда получил все необходимое. Ну а эти выходные – всего лишь одно из проявле-

ний твоего нынешнего отношения ко мне. Меня печалят не проявления, а отношение.

– Это была не моя идея, – вздохнул Григорий. – Рита заартачилась. Она в последнее время стала нервной, и я решил не давить.

Тут он как раз говорил правду. Он понятия не имел, что творилось с его женой, да и не хотел знать. Нет, для приличия он спросил, вот только Рита ничего объяснить не смогла. Григорий считал свой супружеский долг выполненным. Он знал, что жена никогда устойчивой психикой не отличалась, и не хотел разбираться во всех ее фантазиях.

Когда Рита заявила, что не готова видеть своего отца в эти выходные, Григорий сразу предупредил ее, что это плохая идея. Да что там плохая – отвратительная. Но Рита мгновенно устроила скандал, переносить который было сложнее, чем сбрасывать настойчивые звонки Дубровина. Григорий не думал, что тесть взбесится из-за такой мелочи.

Ну а получилось вот как.

– Дело не в Рите, – покачал головой Дубровин. – От нее я давно уже ничего не жду. А вот на тебя я возлагал большие надежды.

– Ну так и не зря. Всего-то и нужно было, что выждать неделю! Уверен, к следующим выходным Рита угомонилась бы – и вы бы встретились с детьми.

– Уверен? А если бы нет? Ты можешь давать такие гарантии?

– Я не думал, что это настолько важно, – признал Григорий.

– Сам по себе этот случай, эти встречи в выходные? Нет, это вообще не важно. Скажу честно, мне это сейчас не слишком интересно. Пока дети маленькие, в них нет ничего по-настоящему значимого или хотя бы увлекательного. Тут скорее дело принципа. Ты должен уяснить: твоя задача – брать трубку. Всегда. Не важно, по какому поводу я звоню, ты должен отвечать. Это понятно?

Гнев поднялся в груди горячей волной. Григорию многое хотелось сказать – преимущественно о том, куда кое-кто может засунуть свои приказы. Однако ничем хорошим это не закончилось бы, и правду приходилось глотать, как битое стекло. Григорий прекрасно знал, что встреча проходит тихо и мирно, пока он не выпендривается. Лишнее слово, лишняя фраза – и охранники Дубровина перестанут казаться скучающими и сонными. Настю отсюда выгнали не только потому, что ей не следовало слышать этот разговор. Свидетели Дубровину действительно не нужны.

– Понятно, – холодно произнес Григорий. Жаль, что изображать из себя гордого и непобежденного без штанов было затруднительно.

– Хорошо, что ты по-прежнему обучаем. Далее, Рита. От нее я, как уже сказал, ничего не жду да и тебе не советую. Но при этом игнорировать ее выходки нельзя. Мне известно о том, что она недавно устроила.

– Вызов охраны? Да ну, это же мелочи… Осталась одна, испугалась…

– Пока мелочи, – согласился Дубровин. – Но нужно следить за тем, чтобы такие мелочи не превратились в прогрессирующий психоз.

– Рите кажется, что за ней кто-то следит. Это не может оказаться один из ваших?

– Мои люди действительно следят за ней – но уже давно. Она никогда их не замечала и не заметит в дальнейшем. Именно благодаря им я знаю, что никто больше ее не преследует, это лишь ее больные фантазии. Наблюдай за ней, Гриша. Я не хочу, чтобы она стала угрозой для моих внуков.

– Не станет.

– Рад это слышать. Потому что если ты снова заставишь меня напрячься, я начну с того, что познакомлю Риту с той девушкой, которая нас только что покинула. Если и этого окажется недостаточно, мне придется предпринять дополнительные меры. Ты не хочешь знать какие.

– Не хочу и, надеюсь, не узнаю.

– Вот и я на это надеюсь. Отдыхай.

Григорий не двигался, наблюдая, как Дубровин неспешно поднимается с кресла и идет к выходу. Вроде как ничего не случилось, это было примитивное запугивание, и все же… Могло закончиться по-другому. И закончится в любой момент, если этому деду еще что-нибудь в голову взбредет.

Все ведь должно было завершиться, еще недавно Григо-

рий был уверен, что избавился от влияния тестя… хотя бы отчасти. Наивно… Возраст может повлиять на Илью Дубровина, но беспомощным не сделает никогда.

Григорий обессиленно откинулся на мятые отельные простыни. Разглядывая трещину на потолке, он прикидывал, как Дубровин сможет его использовать. Вариантов подбиралось удручающе много. От этого не слишком приятного занятия его отвлек звонок телефона, на экране появилось фото Риты. Жена не была виновата в том, что сегодня произошло, – и все равно безумно раздражала…

Об этом должен был знать только Григорий. Когда он ответил, его голос звучал бодро и дружелюбно. Голос мужа, который скучал по жене, а не мужчины, из постели которого вышвырнули любовницу.

– Привет, солнышко, как ты? Я уже в пути, дома буду сегодня, говорю тебе, просто дорога сложная, задержался… Но я вот-вот приеду – и все у нас будет хорошо.

6. Музыка

Только в музыке Костя был уверен до конца. В себе нет, в окружающих – тоже, даже в Женьке на девяносто девять процентов. А музыка была цельной и настоящей, она никогда не подводила. Звук как будто проходил через тело Кости, наполняя его энергией. В такие моменты легко было чувствовать себя по-настоящему живым. Костя никому не взялся бы объяснять такое, потому что незамедлительно получил бы в лоб предсказуемый вопрос: «А что, в другое время ты чувствуешь себя мертвым? К психологу, срочно!» Нет уж, спасибо. Ему достаточно было самому знать, что для него важно.

Именно поэтому Костя ввязался в конкурс: чтобы сделать музыку частью своей жизни, получить возможность заниматься ею профессионально и постоянно. Слава как таковая его не прельщала, тяготила даже. Он терпеть не мог, когда на него пялятся, когда задают ему странные вопросы… любые вопросы, если уж на то пошло. Но он готов был все это вытерпеть.

Для следующего номера наставник подобрал ему песню The Winner Takes It All группы ABBA. До конкурса Костя не знал о существовании такой песни – или такой группы. Но ему нравились ноты, бросавшие вызов, позволявшие показать голос. Так что репетиции его даже развлекали, но

платить за них приходилось вынужденным общением. Костя старался, сдерживался, и окружающие наверняка представляли его совсем не таким человеком, каким он был на самом деле. Он к этому привык… почти. Порой ему задавали вопросы, способные выбить его из колеи.

Сегодня такой вопрос прилетел от одного из ассистентов продюсера – или редактора, Костя так и не разобрался. Такие ассистенты в любом случае выглядели одинаково: парни и девушки лет двадцати в джинсах, майках и кепках, вечно замотанные, нервные, говорящие одновременно с окружающими и в смартфон. Их постоянно окружали незримые облака суеты и нервозности. Обычно Костя старательно держался от них в стороне, а тут не смог, потому что очередная ассистентка искала именно его.

– Ты ж у нас мальчик-сирота? – поинтересовалась она, гоняя во рту изжеванную резинку.

– Оба определения оспорить сложно, – сухо отозвался Костя.

– Чего?.. Слушай, не выпендривайся, я слабо представляю, какие у меня сутки без сна пошли! А тут еще юмористы кругом… Отвечай кратко и по делу. Ты своих родителей знаешь?

– Я знал мать, она умерла.

– Это была твоя биологическая мать?

– Нет. Своих биологических родителей я никогда не знал – и мне на них плевать.

Костя терпеть не мог вспоминать об этом. Да он обычно и не вспоминал, сразу посылал спросившего в предсказуемом направлении. Но ассистентку послать было нельзя, Костя и сам понимал, что в нынешнем конкурсе у него серьезные шансы на победу. Глупо будет лишиться этого, нахамив кому-то из персонала.

– Плевать не надо, желательно бы узнать, – рассудила девица. – Есть наводки на них?

– Нет. Я был усыновлен по всем правилам, по закону у меня только одна мать – и меня это вполне устраивает.

– Но ее ведь мы не оживим, да? Зато этих, если они живы, отыскать можно. Для шоу это будет очень хорошо! Тебе не обязательно с ними сюсюкать, можешь послать их на хрен, но перед камерой. Рейтинги сделает любая реакция. Только дай мне подсказку! Где их искать?

– Я не знаю.

– Ладно, с сестрой твоей поговорю… Научись расслабляться, никому не интересна звезда, похожая на куриную жопу!

На это Костя даже отвечать не стал. Он с силой сжал кулаки, вынуждая себя молчать и улыбаться. Так нужно. Так все делают. Ну а ее бредни про воссоединение с биологическими родителями все равно ни к чему не приведут. У Кости были все основания полагать, что этих людей давно уже нет в живых.

Ассистентка больше не обращала на него внимания. Вряд

ли она даже поняла, как повлияла на него, – потому что не хотела понимать, в этом не было выгоды. Зато это заметил кое-кто другой.

Люда появилась рядом с ним неожиданно, будто из-под земли выросла. Костя слабо представлял, каким чудом ему удалось не шарахнуться от нее. Хотя она еще меньшее зло, ее сестрица и бабка были куда страшнее. А Люда… она даже милая.

Словно желая закрепиться в звании «даже милой», она улыбнулась Косте и протянула ему бумажный стаканчик с кофе.

– Держи, ты выглядишь как человек, которому это нужно, – объявила она. – И если что, я не следила. Просто Сашка сейчас поет, а мне нечего делать. Я бы вообще сюда не таскалась, мне вся эта музыка до лампочки, но бабка настаивает.

Костя не позволил ей заболтать его. Он принял стаканчик и поинтересовался:

– Как много ты слышала? Даже при том, что не следила.

– Все я слышала, – призналась Люда. – Как будто там так много прозвучало! Да и вы за громкостью не следили. Мне тебя осуждать, что ли? У нас с Сашкой родителей тоже нет. Разве мы согласились бы жить с бабкой по другой причине…

– Сочувствую, – буркнул Костя. Он слабо представлял, что нужно говорить в такой ситуации. – Ну и что случилось с вашими? Умерли?

– Бухают. Если у Сашки что получится на этом шоу и

запахнет деньгами, они материализуются, вот увидишь! А твои?

– А моих нет. И, надеюсь, не будет никогда.

– Можешь вместе с ними и бабку нашу запаковать, жизнь только лучше станет, – засмеялась Люда, поднимая стаканчик так, будто только что прозвучал тост.

Костя невольно улыбнулся в ответ. Иногда вынужденное общение с людьми получалось не таким уж плохим.

Хотя главным все равно была музыка. На сцене Костя снова почувствовал это, он будто остался один – не в зале даже, на планете. Яркий свет бил по глазам, однако это к лучшему. За белым сиянием не видно было остальных людей… никого и ничего. Были только строки песни и возможность проводить через себя звук, как энергию. Косте казалось, что волшебный миг длился вечно – и при этом недостаточно, будто оборвался, и все, снова швырнув его в реальность, где нужно притворяться и улыбаться через силу.

Многих заставляли петь дольше, повторять по два-три раза, прежде чем наставник и режиссер давали добро. С Костей такого не случалось – и он порой жалел об этом. Необходимость уйти со сцены отзывалась холодом в душе, если бы удалось петь дольше, может, обошлось бы… Пока ему не доводилось попробовать.

После выступления ему нужно было время, чтобы прийти в себя. Костя чувствовал себя едва проснувшимся, чуть ли не голым, притворяться становилось сложнее. Зная об этом,

он попросту отходил подальше и давал себе столь необходимую паузу.

А в этот раз не получилось. Костя опасался, что его снова начнут выслеживать Люда или ее родня. Однако вместо них к нему подошел мужчина, которого он никогда прежде не видел.

На вид этому типу было около сорока пяти, хотя он старательно молодился – и прической, и браслетами, и костюмом, который казался одновременно деловым и спортивным. В итоге мужчина выглядел пожеванным, словно его швырнули в стиральную машину, запустили программу отжима, а потом позабыли о нем недели на две.

И все же он был здесь, охрана спокойно проходила мимо, не пытаясь узнать, кто он такой. Получается, он имел полное право находиться в павильоне.

– Емельян Серебряков, – представился мужчина, протягивая Косте руку. – Агент и продюсер. Вероятнее всего, твой агент.

– Чего? – растерялся Костя.

– Ну, у тебя же нет агента? А кто-то должен представлять твои интересы, парень!

– Где представлять?

– В шоу-бизнесе. Ты видел рейтинги твоих выступлений? Количество просмотров в интернете? Ты понимаешь, какой у тебя потенциал?

– У меня пока не было на это времени…

– Так ради чего ты здесь? – удивился агент. – Чтобы тебя похвалили и подарили плюшевого зайчика?

– Нам сказали, что, пока продолжается шоу, мы не должны участвовать в других проектах, – наконец опомнился Костя, – даже сольных.

– Да, я знаю. Прямо сейчас я тебе ничем помочь не смогу. Но я решил сработать на опережение, потому что, когда ты победишь, к тебе выстроится очередь из агентов. Вспомни тогда, кто поверил в тебя первым.

– Вы хотели сказать – если я смогу победить.

– Когда, парень, когда, – подмигнул ему Серебряков. Получилось неловко и странно, однако сам агент, похоже, был доволен собой. – Пока я отчалю, а то потом не отобьюсь от неудачников! Ну а ты начинай готовиться. Очень скоро ты поймешь: тебе повезло, что я тебя нашел.

7. Решения

На деревьях появилось первое золото: маленькие пятна на зеленом фоне, тонкие полосы среди по-прежнему летних ветвей. Одинокие листики, сменившие цвет, желтая проседь берез. Как будто стеснительная дань моде – и в то же время первый знак того, что приближается.

Задумавшись об этом, Женя ненадолго отвлеклась, перестала слушать своего собеседника. Это было не страшно и не важно, содержание речей Валеры легко угадывалось по его выражению лица.

– И потом она мне такая говорит: «Молодой человек!» – возмущался Валера, жестикулируя так активно, что тарелка с борщом оказалась в зоне риска. – Вроде как вежливо, да? Но ты бы слышала, как она это сказала! Молодой! Человек! Как будто я молокосос какой!

Женя растерянно кивала, подтверждая, что Валера вовсе не молокосос. А хоть он и молодой, и человек, а называть его так нельзя, потому что – просто нельзя. Точно. Мысли снова рвались в сторону от разговора, но на этот раз не к желтеющим деревьям и скорому торжеству осени, а к Валере.

Женя знала его дольше, чем не знала, – так бывает с одноклассниками, общение с которыми после школы не оборвалось. Теперь ей любопытно было вырвать из того далекого прошлого пухленького серьезного мальчика, сравнить его с

раскрасневшимся молодым человеком, не признающим себя таковым, и разглядеть это любопытное «было – стало».

Жизнь наобещала Валере много. Он с первого класса попал в отличники, он был из тех детей, которые все схватывают на лету, не испытывают врожденной потребности бегать и визжать, а следовательно, не бесят учителей. Они на хорошем счету. Их награждают золотыми звездочками и красными флажками отличников. Их фамилию припоминают, когда нужен пример прилежного ученика.

Из кругленького мальчика, собравшего все золотые звездочки в младшей школе, Валера превратился в победителя всевозможных олимпиад в старшей. По закону жанра ему требовалось стать изгоем, ненавидящим физкультуру, однако такая судьба его миновала. В близких друзьях он не нуждался, но умел поладить с окружающими – особенно с теми, которые нуждались в чужих домашних заданиях и подсказках на экзамене. Так что Валеру никто не преследовал, на вечеринки и дни рождения его всегда приглашали. Что же до физкультуры, то ее Валера просто терпел, как досадный пережиток былых времен. Он дисциплинированно являлся на уроки и старался не страдать слишком уж демонстративно. Учитель физкультуры ставил ему зачеты, даже когда не следовало, потому что иначе в учительской был бы заклеван целой стаей тетушек, которые Валеру обожали. Отличник вырос высоким, немного нескладным и мягко, почти по-женски, красивым. Это лишь увеличило любовь к нему одино-

ких тетушек средних лет – впрочем, материнскую. Ровесницами Валера быстро был отправлен в категорию «План Б»: вроде и неплох, но все же что-то с ним не так.

Покидая школу, Валера был уверен, что понял правила этой жизни и ко всему готов. Вот только оказалось, что этого недостаточно, не до конца так точно. Он по-прежнему хорошо учился, оставался вежливым и старательным. Однако теперь его легко обходили те, кто был понаглее и пообаятельнее. Валера возмущался, но в основном перед мамой и друзьями. Вступить в открытый конфликт, пусть даже словесный, он не решался.

Женя сидела с ним за партой пять лет, потом, после школы, продолжила ненавязчивое общение – вот то, когда знакомого поздравляют с праздниками, но делами интересуются уже неискренне, надеясь услышать в ответ лишь пустое «все в порядке». А примерно год назад Валера снова наметился в ее жизни, причем даже не пунктиром. Он начал приглашать Женю на свидания, так же серьезно и обстоятельно, как он делал все на свете. Женя соглашалась. Во-первых, когда он прекращал ныть, с ним было весело и интересно. Во-вторых, среди бесконечной череды дел все равно не оставалось времени на поиск кого-то другого. Почему не Валера, в конце концов?

Сам Валера решил прервать цепочку размышлений о нем требовательным вопросом:

– Ты представляешь?!

А вот это уже была опасная ситуация. Жене явно полагалось отреагировать на очередную его жалобу, которую она благополучно прослушала. Переспрашивать было рискованно, и она предпочла нейтральный вариант:

– Да вообще!

– Поэтому я и считаю, что на пенсию нужно уходить сразу же, как только возраст требует. Хочешь не хочешь – не важно, старость нужно признавать, иначе много кому придется мучаться так, как мучаюсь я… Стоит эта швабра и смотрит на меня, как на грязь, хотя я был прав!

– Ты идешь по второму кругу, – мягко заметила Женя.

– Да, извини… А что у тебя? Ты какая-то мрачная сегодня.

– Уставшая просто. И я отказалась от проекта в Сочи. Алина все не отставала, подала заявку от моего имени – и меня пригласили. Пришлось отказываться от реального предложения… Мне от этого только хуже. Людей, которые отказываются, всегда запоминают не в лучшем свете.

Женя надеялась, что он поймет. Она не была уверена, что готова говорить об этом, упущенная возможность по-прежнему отзывалась в груди ноющей болью. Но, может, если обсудить это, станет легче?

Вот только Валера не был впечатлен.

– Сочи – это та ботва, где с фотками?

– Да, можно и так сказать… Сильно упрощенно.

– Нашла, о чем расстраиваться! – фыркнул он. – Какая

разница, где тебе эти букеты собирать… или что ты там делаешь?

– Оформляю площадки для фотосессий.

– Примерно то же самое, но в большем масштабе. Я не говорю, что это не прикольно, – это очень прикольно. Но это не работа. Ты бы лучше подумала о том, чтобы вернуться в универ… Ты же в последний момент все бросила!

– Ты прекрасно знаешь, почему я бросила, – холодно напомнила Женя.

– Да, и я тебя не виню! Но сколько лет уже прошло, все наладилось… Почему бы не вернуться к этому? Почему бы не закончить, не получить диплом? Юрист – вот это профессия!

– Я бы не сказала, что все закончилось. Участие Кости в этом конкурсе требует помощи, мне сейчас весь график вокруг этого шоу приходится строить…

– И вот опять Костя, – закатил глаза Валера. – Тогда источником проблем был Костя, сейчас Костя… Он ведь тебе вообще никто!

– Он мне брат.

– Но ведь не настоящий! Думаю, он понимает это лучше, чем ты. Сейчас он в тебе нуждается, потому и ведет себя смирно. А через два года он станет самостоятельным – как он тогда запоет? Назовет тебя сестрой или не нужно будет? Он будет впечатлен твоими жертвами или скажет, что ты сама хотела это сделать, он тебя не заставлял? И будет прав,

кстати.

Нужно было спорить с ним, доказывать, что все на самом деле по-другому, а у Жени просто не было сил. Она слишком устала за последние дни – и она не была уверена, что Валера не прав. С Костей ведь не поймешь… Вроде как он осознает, что она делает ему одолжение. Но порой в его голосе звенят повелительные нотки, и сложно определить, эгоизм это или типичная подростковая дурость.

Валера же, вдохновленный ее молчанием, продолжал вещать:

– Я понимаю, что ты занята, – но ты всегда занята, а время проходит! Через два года тебе будет уже двадцать восемь, поздновато начинать что-то. Да и снова тебе станет не до того, потому что Костя наверняка затеет борьбу за наследство вашей матери. Сама подумай: тебе разве не удобней было бы вступать в эту борьбу квалифицированным юристом?

– Нет еще никакой борьбы…

– Когда начнется, готовиться к ней станет поздно!

– Я в любом случае не займусь этим прямо сейчас, правда? Возможно, ты прав во всем, торжественно обещаю подумать об этом.

– Ты просто сворачиваешь тему, – укоризненно заметил Валера. – А сложные решения лучше не откладывать, проще они от этого не станут!

– Я понимаю, просто… Мне нужно больше времени. Сейчас действительно много навалилось.

– То, что ты работаешь шофером для своего младшего брата?

– Это как раз несложно. Там другое вылазит… Сегодня я встречаюсь с Емельяном Серебряковым.

– Кого-то в этой жизни еще называют Емельяном?

– Возможно, он сам так назвался, в шоу-бизнесе любят выпендриваться, – усмехнулась Женя. – И это довольно мутный тип.

Когда у Кости получилось пройти отбор, она сразу готовилась к тому, что просто не будет. Это уже было не мероприятие уровня школы, в котором борьба идет за цветастый диплом без рамочки. Костя вышел на национальный уровень, его голос слышали во всех уголках страны. Женя прекрасно понимала, что рано или поздно это привлечет к нему внимание. Она надеялась на поздно. Получилось рано.

Первым, кто решил заняться Костей, оказался тот самый Серебряков. Сам Костя от него тогда отшутился и решил, что история закрыта хотя бы на время. Но агент оказался не из тех, кто легко отступает. Он связался с Женей, затребовал встречу, и проще было один раз с ним поговорить, чем до конца конкурса прятаться по углам.

Женя взглянула на часы и тяжело вздохнула.

– Он будет здесь минут через десять. Я назначила встречу в этом кафе.

Валера, не ожидавший от нее такого коварства, поперхнулся остывшим борщом.

– Что?! Почему ты меня не предупредила?!

– Предупреждаю сейчас.

– Женя!

– От тебя ничего не требуется, – примирительно сказала она. – Просто сидеть здесь и вроде как быть поддержкой. Послушай, я про этого Серебрякова узнавала… Он действительно нехороший человек. Я не позволю Косте с ним работать, и он должен понять это уже сейчас. Поэтому я встречаюсь с ним в общественном месте – и мне было бы проще, если бы ты остался рядом.

– Женя, ты знаешь, как я отношусь к конфликтам!

– Так тебя же никто не просит участвовать! Просто сиди и сурово молчи.

Вот только Валера доверенную ему роль защитника не оценил. Сообразив, что до прибытия «нехорошего человека» остались считаные минуты, он поспешно поднялся, позабыв об остатках борща и котлете. Он собирался торопливо, хмурился, стараясь не смотреть на свою спутницу. А у Жени даже не было сил злиться, ситуация получалась нелепо смешная.

– Мы еще обсудим это, – бросил на прощание Валера. – В другой обстановке! У меня нет времени ждать счет, заплати за меня, пожалуйста, я потом верну.

– Ага.

– И не нужно делать вид, что это я виноват!

– Беги быстрее, а то будет неловко, – посоветовала Женя.

– Я вовсе не бегу, я просто… Ай, ладно, потом!

Мир не желал упрощать Валере задачу. Куртка зацепилась за стул, едва не утянув его за собой, официантка будто специально бросилась под ноги, а покинутый борщ все же успел плеснуться на рукав белой рубашки. Валера издал горестный стон, но не задержался, очень скоро Женя через окно наблюдала, как он быстрым шагом переходит дорогу – на ту сторону улицы, где ему ничего не было нужно, будто запутывая след.

Если бы Костя узнал об этом, он потребовал бы бросить бойфренда – как неоправдавшего надежды и доверие. Женя сомневалась, что такое вообще возможно, потому что парой они с Валерой себя вроде как никогда не называли. Но вели себя как пара. Никакие дети не творят глупостей, равных глупостям взрослых.

У хаотичного побега Валеры нашелся один несомненный плюс: он развлек Женю, заглушил мрачные мысли, – и Серебрякова она встречала уже спокойной. Это было к лучшему, агент оказался не таким безобидно забавным, как она надеялась. Костя описал его как «пожеванного дядьку». Женя же обращала внимание на совсем другие черты.

Емельян Серебряков был рослым и очевидно сильным, возраст разве что расчертил его лицо морщинами, но не ослабил и даже не приблизил к немощи. Стоило догадаться, что описание шестнадцатилетнего подростка будет неточным… Серебряков двигался уверенно, а на мир смотрел так,

будто все ему должны, и никакая дружелюбная улыбка не могла замаскировать это.

За столик Жени он опустился, не дожидаясь приглашения, заговорил первым, не давая ей и слова произнести. Рассказывал об опасностях шоу-бизнеса для несовершеннолетних – так, будто сам он не был одной из них. Хвалил Костю. Обещал золотые горы и полную поддержку в освоении этих гор. Намекал, как Жене повезло вытащить живой лотерейный билет, который будет содержать ее всю жизнь. Любые ее сомнения Серебряков старался похоронить под внушительными горами информации.

Он наверняка верил, что идеально вписался в образ благодетеля, спасающего двух сироток. Жене он напоминал тех мошенников, которые за сумасшедшие деньги продают доверчивым пенсионерам плед из шерсти ламы.

– Естественно, сейчас мы ничего не подпишем, у конкурса довольно строгие условия, – завершил свою пламенную речь Серебряков. – Но я верю людям и считаю, что, если мы с вами договоримся, мне не о чем беспокоиться – и вам тоже. Ну так что? Мы же договоримся, Евгения?

Чувствовалось, что он готов был принять только положительный ответ и давить на Женю до тех пор, пока не услышит его. Женя же наблюдала за ним с невозмутимостью удава, прекрасно зная, что под ее взглядом становится неуютно.

– Что за история с Митей Балашовым была? – все с той же загадочной полуулыбкой поинтересовалась Женя.

– Простите, не понял…

– Думаю, все вы прекрасно поняли. Такое не забывается.

Серебряков по-прежнему продолжал улыбаться, да Женя и не ожидала, что он выдаст свои истинные чувства так легко. Но взгляд, направленный на нее, стал колючим – похоже, она задела нужную струну.

– Рад, что заинтересовал вас достаточно, чтобы вы занялись поиском информации обо мне в интернете, – наконец выдал он. – Хотя печально, что вам запомнилось именно это. История с Митей Балашовым была удручающей, но недолгой. Вы должны знать об этом.

– А еще она была не единственной. Об этом мне тоже известно.

Первые обвинения против Емельяна Серебрякова появились несколько лет назад. С ними выступил один из его подопечных – парень, едва достигший совершеннолетия. Но здесь это «едва» не имело значения, ему успело исполниться восемнадцать, поэтому скандал получился не слишком громким. Серебрякова обвиняли в сексуальных домогательствах, однако не в педофилии. Да и эти обвинения очень быстро затихли, тот самый Митя Балашов отступил, просто исчез из шоу-бизнеса – но, как выведали вездесущие журналисты, жить стал куда богаче.

Он был первым, однако не единственным. Не все артисты, работающие с Серебряковым, выступали с обвинениями, и все равно обвинения звучали – теперь уже в основном

от несовершеннолетних. До суда дело ни разу не дошло, но ни один из артистов не опроверг свои слова официально и не извинился.

Так что никакого наказания по закону Серебряков не получил и продолжал работать, и все же определенная репутация тянулась за ним черным облаком, и не нужно было нанимать частных детективов, чтобы докопаться до этих сплетен.

– Вы ведь понимаете, что это неправда? – спросил Серебряков. – Было бы правдой, я бы уже сидел!

Женя действительно не была уверена, что обвинения справедливы. Оставался еще шанс, что юные артисты, осознав, что успех им не светит, хотели сменить карьеру с финансовой «подушкой безопасности». Поэтому Женя не спешила с выводами до личной встречи.

Однако теперь она сидела напротив Серебрякова, смотрела ему в глаза, и у нее мурашки шли по коже. Интуиция – это не доказательство вины, даже не повод для скандала. И все же своим инстинктам Женя доверяла и чувствовала: оставлять Костю наедине с этим человеком ни в коем случае нельзя.

Жаль только, что сам Серебряков не спешил признавать это.

– С каждым человеком в нашей профессии связан минимум один скандал, это нормально, – заявил он. – И чем выше ты поднимаешься, тем больше грязи к тебе липнет. В принципе, можно рассматривать шоу-бизнес как гору с грязевы-

ми дорогами – и это будет правдой.

– А если я найду тех людей, которые выдвигали против вас обвинения, и поговорю с ними, они признают себя грязью?

– Конечно же нет. Но вы лучше спросите, приняли ли они от меня деньги – и замолчали ли после этого. Видите? Оскорбленная гордость замолкает, если набит кошелек. Разве это не доказывает, что только деньги им и были нужны? Послушайте, против меня выдвигали обвинения и парни, и девушки, а так же не бывает! Я или гей, или нет. Я что, за всеми подряд бегаю?

– Судя по обвинениям, за теми, кто выглядит подростком, – невозмутимо сказала Женя.

– Ай, перестаньте. Просто ушлые родители сообразили, что такие скандалы мне совсем уж невыгодны, и пользовались вовсю. Но доказательств никогда не было… Так что какой смысл говорить об этом? Не позволяйте этим бредням сломать карьеру Кости! Я могу помочь ему так, как никто другой.

– Спасибо большое, мы подумаем об этом.

И вроде как прозвучало достаточно вежливо, однако истинный смысл Серебряков понял без труда. Женя уже сейчас давала ему понять, что никакого сотрудничества не будет. Потому что, несмотря на все свои улыбочки и рассуждения, он легко злился из-за тех обвинений, он едва сдерживался.

Что-то произошло между ним и теми детьми. И если их родители решили, что все исправляется деньгами, – пожа-

луйста. Но Женя зарабатывать таким способом не собиралась.

– Вы допускаете серьезную ошибку, – заметил Серебряков. – Есть решения, которые ломают жизнь. Не поступайте так со своим братом.

– Я же сказала, мы подумаем.

– Я прекрасно знаю, что вы сказали.

– Если Костя захочет работать с вами, я его не удержу, – пожала плечами Женя. – Давайте остановимся на этом.

И оба они знали, что Костя не захочет, потому что не захотел с самого начала. Женя надеялась, что это последняя их встреча с продюсером. Мало, что ли, подростков на том же шоу талантов? Однако Серебряков, уходя, на секунду остановился и бросил через плечо:

– Еще увидимся, Евгения. Думаю, очень скоро.

8. Наблюдение

Наблюдение за хозяйской дочкой было отличным заданием, от которого никто не отказывался. Платили за такое в два раза больше, чем за простое дежурство, а напрягаться было не нужно. Все прекрасно знали: Дубровин следит за ней не потому, что ей угрожает опасность, а просто на всякий случай.

Маргарита давно уже покинула отцовский дом, вышла замуж, завела собственную семью. Она наверняка думала, что с прошлым покончено, она сама выбирает, когда и как общаться с отцом. Наивно, конечно. Дубровин не мог отмахнуться от единственной наследницы, и за этой девицей наблюдали долгие годы. Она не догадывалась, естественно, – и потому, что следили за ней отличные профессионалы, и потому, что не видела причин для слежки. Хотя, зная своего отца, могла бы и сообразить, что причины вообще не нужны.

Егор был на хорошем счету, а потому получал такие задания не реже раза в месяц. За много лет он отлично изучил жизнь этой семьи, знал все их тайны, большие и маленькие. Порой ему казалось, что он знаком с этими людьми, хотя лично он знал только Риту – он начал работать на Дубровина еще до ее рождения.

Когда она стала жаловаться на преследование, Егор насторожился. Понятно, что Дубровин посмеивался над таким.

Но у этого человека хватало врагов, которые могли загореться нездоровым желанием поквитаться с его дочерью. Поэтому Егор начал брать дежурства чаще, присматриваться к окружению Риты внимательней и… ничего не добился.

Никакого загадочного преследователя рядом с ней попросту не было. Егор не льстил себе, он знал, что не может считаться профессионалом высшего класса. В мире хватало тех, кто способен был от него скрыться. Однако тут следовало учитывать важный момент: Рита видела своего преследователя. Получается, кто-то скрылся от человека с опытом Егора, но попался на глаза обыкновенной домохозяйке? Допускать такой вариант было не то что неприятно – оскорбительно!

Был и еще один сценарий, при котором за Ритой охотился редкий мастер своего дела. Человек, желавший помучить ее, но при этом не попасться на глаза наблюдателям – о которых он, конечно же, знал. Однако когда Егор думал о таком, ему становилось смешно. Откуда в окружении Риты вдруг взялся такой ниндзя? Да, у нее влиятельные муж и отец. Ну так за ними бы тогда и бегали шпионы! Может, уже бегают. А в том, чтобы выставить эту женщину сумасшедшей, нет никакой выгоды.

Поэтому пришлось признать: она действительно сумасшедшая. Там и наследственность не лучшая, и условия жизни те еще. У Риты и прежде сдавали нервы, похоже, с возрастом будет хуже. Егор принял этот вариант как основной

и вернулся к спокойным, расслабленным дежурствам.

Сегодня ему полагалось наблюдать за Ритой в вечернюю и ночную смену. Часов в пять он подошел к служебной квартире – той, которая располагалась в одном подъезде с квартирой семейства Павловских. Только Павловские обосновались на десятом этаже, а служебную квартиру выкупили на седьмом.

Обычно в сентябре семья еще жила в загородном доме, и там наблюдать за ними было не так удобно. Однако после нервного срыва Рита настояла на том, чтобы они перебрались в квартиру раньше привычного срока. Должно быть, ей казалось, что в большом городе, в окружении людей никто до нее не доберется. Ее муж предпочел не спорить, а Егор так и вовсе мысленно аплодировал. Теперь он мог не таиться по кустам, а сидеть в тепле перед мониторами – с постоянным доступом к холодильнику и туалету. Сказка, а не работа!

Днем еще приходилось напрягаться: ездить вслед за Ритой по кружкам ее детей, не попадаться ей на глаза в магазинах. Но в ночных сменах самым сложным было не заснуть.

– Ну как она? – поинтересовался Егор, принимая дежурство у своего предшественника. Этот тоже работал охранником на Дубровина, но был из молодых, тех, кого Егор еще толком не успел изучить… тех, кто знал Илью Дубровина только как законопослушного бизнесмена и не догадывался о его прошлом. – Все еще истерит?

– Нет, вроде успокоилась.

– Да ладно!

– Почему нет? Она ж к психологу бегает чаще, чем за хлебом, – хмыкнул молодой охранник. – Порой шарахается еще от темных углов, но потом сама над собой смеется. По ходу, это у нее реально осеннее обострение такое было – рано началось и рано отпустило.

– Очень может быть.

– Я слышал, она раньше совсем психованная была, даже вены себе резала или что-то типа того…

– Это мы обсуждать не будем, – сухо произнес Егор.

Молодой охранник не смутился:

– Значит, правда. Я так и думал. Да мне это не важно, в общем-то, главное, что сейчас она унялась! Сегодня так вообще спокойная была.

Рита и теперь оставалась спокойной. Не подозревая обо всех камерах, давно установленных в ее квартире, она возилась с детьми, готовила ужин, позже включила какие-то мультики. Ее мужа снова не было дома, но Дубровин сказал, что это нормально. Егор воздержался от комментариев.

Вечер переходил в ночь, Рита повела мелких в спальню. Егор воспользовался этим, чтобы сходить на кухню и взять из холодильника бутылку воды – кофе не хотелось, да и не помогал ему никогда кофеин. День был не слишком утомительный, и Егор не сомневался, что со всем справится.

Вот только оказалось, что он переоценил собственные силы. В сон его начало клонить вскоре после того, как он вер-

нулся к мониторам. Сначала это показалось ему мелочью: позднее время, на экране ничего не происходит – неудивительно, что Егору спать хочется! Однако игнорировать эту сонливость не получалось, она набирала силу, веки становились тяжелыми, в глаза будто пригоршню песка бросили. По телу разливалось теплое онемение, словно убеждавшее: не нужно дергаться, пара часов отдыха пойдет ему на пользу. Егор понимал, что это ненормально, а выхода пока не видел, мысли стали медленными и какими-то пустыми, словно и не ему принадлежащими.

Он с трудом поднялся, сделал пару шагов к коридору. Ему нужно было прийти в себя – хоть как-то. Сделать этот проклятый кофе или холодный душ принять, что-то должно помочь… Но Егор не успел даже попробовать. Мир стремительно терял свет и краски, образы перед глазами мутнели и расплывались. Он едва успел добраться до двери, когда реальность окончательно рассыпалась, и Егор даже не успел почувствовать собственное падение.

Очнулся он на полу – один, живой и невредимый, но с гудящей головой. Не так паршиво, как с похмелья, но тоже не сахар. Некоторое время он вообще никак не мог сообразить, где он находится. Потом вспомнил, резко поднялся и тут же пожалел об этом, потому что перед глазами все закружилось, а в висках полыхнула острая боль. Однако сознания он не лишился – и на том спасибо.

Что-то случилось в день, когда случиться не могло, злость

и тревога придавали Егору сил, морок наконец отпускал.

– Эй! – позвал он. Голос звучал тихо и хрипло, во рту пересохло. – Есть здесь кто?

Но ему никто не ответил, да и шагов Егор не слышал. Он по-прежнему оставался в квартире один – и ничего не изменилось. Свет горел там, где его оставил включенным единственный обитатель квартиры. Мониторы работали. Ничто не указывало на постороннее присутствие… Кроме того неприятного факта, что Егора опоили снотворным.

Он и мысли не допускал, что отключился просто потому, что устал. И усталости не было, и с ним подобного никогда не происходило, и его нынешнее состояние указывало на воздействие препаратов. Но кто мог такое провернуть? Молодой охранник, уже продался? Нет, вряд ли – если только он не совсем идиот, а идиота Дубровин на такое задание не послал бы. Скорее всего, тут действовал посторонний. Он добрался до квартиры, когда внутри никого не было, она ведь пустовала, пока Павловские жили в коттедже. Неизвестный подсыпал снотворное… Куда? Только в воду, других вариантов нет. Егор помнил, что бутылка была запечатана, когда он взял ее из холодильника. Однако это ничего не гарантировало, только усыпляло бдительность. Неизвестный мог заменить обычную бутылку на подготовленную им – или использовал тонкий шприц, чтобы ввести снотворное в воду, купленную охранниками.

Егору хотелось проверить свою теорию, получить уверен-

ность, которая ничего бы уже не изменила, однако вернула бы ему хоть какой-то контроль над ситуацией. Казалось, что сделать это так просто – вот же эта бутылка, он не выпил все, воды хватит для анализа! Однако Егор остановил себя, прекрасно зная, что это ловушка. Тот, кто сумел пробраться в квартиру и подсунуть снотворное, наверняка наблюдал за ним. Он знал, когда Егор отключился, и без труда пробрался сюда, чтобы заменить воду со снотворным на обычную. Сам Егор так и поступил бы…

Идеальное исполнение указывало на профессионала такого уровня, который Егор недавно считал невозможным для этой ситуации. Того, кто сумел бы издеваться над Ритой, оставаясь невидимым для ее наблюдателей…

Воспоминание о Рите хлестнуло плетью, заставило перевести взгляд на мониторы. Нельзя сказать, что Егор потерял так уж много времени, раздумывая о собственных проблемах, но даже за это ему было стыдно. Ему следовало сразу подумать о ней, ведь все это наверняка затевалось не для того, чтобы охранник на полу отоспался!

Взгляд на мониторы чуть успокоил его, показал, что в квартире на десятом этаже не было погрома – ни разбросанных вещей, ни разбитой мебели, ни пятен крови на полу. Дети спали в своих кроватках, разноцветный ночник позволял разглядеть их спокойные лица. Рита тоже вроде как не пострадала… на первый взгляд. Увы, на первом взгляде спокойствие и закончилось.

Она была в гостиной перед работающим телевизором. Вот только Рита не сидела в кресле или на диване, она стояла на коленях в центре комнаты, мерно покачиваясь. Она закрыла лицо руками, и Егор не мог сказать наверняка, все ли с ней в порядке. Но ее поза и сгорбленные плечи намекали, что она плачет.

Наблюдателям было запрещено вступать в прямой контакт с семьей Павловских. Исключение было всего одно – непосредственная угроза жизни. Сейчас Рите точно ничего не угрожало, даже если кто-то до нее добрался, он уже ушел. А у Егора даже не было гарантий, что она плачет из-за чьего-то вторжения! Может, у нее очередной нервный срыв, один из многих?

Поэтому Егору следовало остаться в служебной квартире, а он не мог. Он чувствовал себя виноватым – и он злился. Его, со всем его опытом, уделали, как вчерашнего щенка! Платить за это пришлось Рите… Оставшейся в одиночестве, уставшей от всего, запуганной каким-то уродом, в которого никто раньше не верил. Вот и как при таких обстоятельствах держать дистанцию?

Часы подсказали, что еще не слишком поздно – всего-то одиннадцать! Получается, Егор отключился на пару часов, и это тоже было ненормально. Теперь он поспешно привел себя в порядок, чтобы чуть меньше напоминать наркомана, рыскающего по чужим квартирам в поисках денег на дозу. После этого он направился на десятый этаж и без сомнений

постучал в нужную дверь.

Рита открыла пусть и не сразу, но быстро. Нужно отдать ей должное: она старалась скрыть слезы, прятала опухшие веки под прядями волос и улыбалась вполне убедительно. Однако Егор слишком хорошо знал ее, чтобы обмануться.

– Егор? – удивилась она. – Ты почему здесь? Что-то случилось с папой?

– Нет, с ним все в порядке, – заверил ее Егор. Пугать Риту точно не хотелось. – Я просто был неподалеку, решил заглянуть к тебе.

– С чего бы?

– Я слышал о том, что тебя кто-то преследует. Твой отец считает, что это несерьезно, да и я надеюсь, что все в порядке. Но тут проходил мимо, увидел свет в окнах… Все ведь хорошо?

Он давал ей шанс заговорить об этом. Он прекрасно понимал: Рита напугана тем, что раньше ей никто не верил. Но теперь Егор намекал, что он готов поверить, это должно было все упростить. Особенно сейчас, когда этот ублюдок только что был здесь, запугал ее… Может, сделал что-то?

Просить о помощи Рита не спешила. Она смотрела на Егора спокойно и все так же натянуто улыбалась.

– Все в порядке. Я по-прежнему считаю, что за мной следили. Извращенец какой-то. Переезд в городскую квартиру решил проблему, здесь он меня не беспокоит. Но это очень мило, что ты зашел.

Она все говорила правильно, давала ему повод считать свой долг выполненным, но Егор не спешил расслабляться. Он ведь видел, в каком состоянии она только что была! Она сейчас изображает спокойствие потому, что не доверяет сотрудникам отца, – или потому, что ее преследователь по-прежнему в доме, угрожает ее детям, заставляет выпроводить любого, кто может ей помочь?

– Я могу войти? – спросил Егор.

– Зачем?

– Просто посидеть с тобой, я не знаю… Да и холодно там, снаружи!

– Не хочу показаться грубой, но ты не замерзнешь. Мне бы не хотелось, чтобы потом все обсуждали, кого я таскаю к себе в отсутствие мужа.

– Да это не будет проблемой, ты что! Гришка твой меня знает, я ему сам расскажу…

– Все равно не нужно.

– Рит, ну что ты как не родная? Я же помочь хочу!

Ему казалось, что все в порядке – ситуация если не простая, то предсказуемая. А Рита, всего секунду назад такая спокойная, вдруг взяла и сорвалась. Она перестала улыбаться, но уже не разменивалась на холодные угрозы. Она сразу перешла на крик, из глаз хлынули слезы, которые она наверняка лишь чудом остановила, услышав дверной звонок.

– Хватит! Притворяться хватит и за дуру меня держать! Мимо он проходил, как же… Я прекрасно знаю, что и ты, и

остальные давно уже шпионите за мной! Это вполне в стиле папочки: считать меня своей собственностью до тех пор, пока я в гроб не лягу!

– Рита, ты все не так поняла…

– Заткнись! Если не можешь не врать, просто ничего не говори! Я притворяюсь, что не знаю, потому что все равно не смогу это изменить… Так у меня хоть какая-то гордость остается! Я вас не остановлю, вы все равно будете таскаться за мной. Но не нужно при этом изображать, что тебе есть хоть какое-то дело до меня!

– Но мне действительно есть дело, я хочу помочь тебе, ты можешь рассказать мне, что случилось…

Рита смерила его таким усталым взглядом, будто он только что ее ударил.

– Да пошел ты… – прошептала она и захлопнула дверь до того, как Егор успел хоть что-то сказать.

Он остался в коридоре, но ненадолго. Соседи наверняка слышали крики Риты, многие уже смотрят в «глазки». Егору достанется уже за то, что он показался объекту на глаза, не стоит дожидаться вызова полиции. В наказание за сегодняшнюю слабость о дежурствах придется забыть…

Ну и хорошо. Егор больше не сомневался: незнакомец, усыпивший его, пробрался в квартиру на десятом этаже и что-то сделал с Ритой. Теперь будет хуже, намного хуже, потому что этот тип умен и хитер, а его жертва психически нестабильна… Но это уже проблема следующих наблюдате-

лей, с сегодняшнего дня Егор мог считать себя свободным.

9. Совпадения

После встречи в кафе Женя была уверена, что Серебряков не оставит ее в покое, не сразу так точно. Он был оскорблен, это чувствовалось, но не обвинениями в педофилии, а тем, что она посмела припомнить ему старые дела и отказать. Он явно вложил немало денег в то, чтобы те истории забыли. Он не раз намекал, что считает их упоминание дурным тоном. Те, кому было от него что-нибудь нужно, не заикались об обвинениях, даже если знали больше, чем писали в новостях.

Желающих работать с продюсером и агентом все равно оставалось немало. За ним бегали, его караулили у машины, за его номер готовы были платить серьезные деньги. Он предпочитал в основном несовершеннолетних исполнителей, и если он на кого-то указывал пальцем, родители избранников даже не думали задавать ему неудобные вопросы. В конце концов, даже если обнимет их ребеночка раз-другой, погладит чуть-чуть, по-дружески… никто же от этого не умрет! Шоу-бизнес – он такой.

Обо всем этом Женя знала, потому что Серебряков по-прежнему был рядом. Он, похоже, избрал конкурс талантов своей новой охотничьей территорией. За его внимание бились чуть ли не больше, чем за главный приз. Разве так сложно было на этом фоне оставить Костю в покое? Однако Серебряков оказался из упрямых, для него это стало делом

принципа: получить того, кого он выбрал, заставить строптивую опекуншу играть по его правилам.

Вот поэтому Женя и ждала новых разговоров и щедрых предложений. Но Серебряков затаился – насколько это вообще возможно. Он оставался рядом, он смотрел на нее и Костю долго, странно, однако близко не подходил. Только иногда улыбался многозначительно, словно ему было известно нечто бесконечно важное, то, что Жене только предстояло узнать.

Костя из-за этого не беспокоился – или делал вид, что не беспокоится. Приближался новый отчетный концерт, брату было о чем поволноваться. Женя попробовала обратиться за советом к Валере – и тот охотно посоветовал. Согласиться на сотрудничество с Серебряковым и выторговать побольше денег, это окупит все ее инвестиции в младшего брата и развяжет руки на будущее. Женя резонно предупредила, что в приличных домах за такие советы бьют по лицу хрустальной салатницей. Валера в таком подходе к этикету выразил сомнения, однако другие советы придержал при себе.

В итоге проблему нужно было решать ей – как обычно. Женя рассудила, что, раз Серебряков затаился, ей тоже следует просто ждать. Время на ее стороне, он ничего ей не сделает…

Она верила в это ровно до того момента, как обнаружила летящую на нее машину.

Так не должно было случиться. Женя стояла на обочине,

но не на краю – она сама водила машину, и ее раздражали пешеходы, свешивающиеся на проезжую часть унылой каплей. Она держалась в паре шагов от бордюра и дожидалась зеленого света, хотя движение было не слишком напряженным. Ее одинокая фигурка наверняка легко просматривалась издалека.

И автомобиль этот она прекрасно видела – красный внедорожник трудно не заметить. Женя сразу обратила внимание на то, что он двигается слишком быстро и нервно. Ну так что, первый и единственный придурок в большом городе? Она не чувствовала страха, ей было любопытно посмотреть, кто сидит за рулем, и не более.

Она оказалась не готова к тому, что автомобиль неожиданно развернется в ее сторону на абсолютно прямой и сухой дороге. Внедорожник подпрыгнул, поднимаясь на тротуар, но не остановился и даже не замедлился. Между ним и Женей оставалось несколько метров, он должен был ее сбить… Хотя бы потому, что она от неожиданности и шока замерла на месте, не зная, как реагировать, куда бежать. Туда, где машина ее не заденет? Так и здесь не должна была задеть! Рядом ничего нет, спрятаться негде, это невозможно, неправильно… Может, ей вообще мерещится?

Лобовое стекло, вопреки всем правилам, было затемненным. Она не видела водителя. Не могло это быть совпадением.

Женя зажмурилась, ожидая неизбежного удара – или за-

вершения сна. Но не произошло ни того, ни другого. Вместо этого девушка почувствовала, как кто-то бесцеремонно перехватывает ее за пояс джинсов и резким рывком увлекает назад. Движение было настолько быстрым и сильным, что Женя не удержалась на ногах, упала, однако упала куда надо – машина с ревом пролетела мимо. Ровно по тому месту, где только что находилась несостоявшаяся жертва.

Это не было ни сном, ни галлюцинацией. Кто-то действительно пытался убить Женю – у всех на виду, среди бела дня. А хуже всего было то, что Женя понимала: никто ей не поверит, ни полиция, ни даже друзья, потому что во всем этом не было смысла. За свою жизнь она не сделала ничего такого, что могло бы удостоиться кары заказным убийством.

Сначала был шок – неверие, неприятие. Потом вместе с осознанием пришел страх. Она могла умереть… Прямо здесь, сейчас, и не важно, насколько это нелепо! Ужас и чувство несправедливости мешали дышать, оборачивались нервной дрожью, стучали разогнавшимся пульсом в виски. Женя даже не задумалась о том, как она спаслась, почему не оказалась под колесами.

Вспомнить об этом пришлось, лишь когда кто-то осторожно коснулся ее плеча и незнакомый мужской голос произнес:

– Ну все, все, обошлось, второй раз они пытаться не станут.

Она не сама спаслась, ее спасли. Кто-то в последнюю ми-

нуту вырвал ее из клыков смерти, действовал так быстро, как Женя не смогла бы. Он упал на асфальт вместе с ней, но этим смягчил для нее удар. Незнакомец все еще оставался под ней, куда более спокойный и собранный, чем Женя. Да и понятно почему – не его же раскатать по асфальту пытались! Чудо, что он успел помочь… и что появился здесь. Когда Женя подходила к переходу, на улице никого больше не было.

Хоть в чем-то ей повезло! Она обернулась с виноватой улыбкой, не зная, как объяснить случившееся и какими словами вообще благодарят незнакомцев за спасение жизни. Но, когда она увидела, кто оказался под ней, голос просто исчез, горло будто льдом сковало, Женя только и могла разглядывать лицо мужчины, оказавшееся прямо напротив ее лица. Неожиданно знакомое лицо…

Она не знала этого человека, но видела его раньше. Такого легко запомнить – редкое и завораживающее сочетание молодости и седых волос. Жене хватило недолгого взгляда на этого человека в кафе, чтобы мгновенно узнать его теперь. Тот одинокий мужчина, вроде как случайно оказавшийся в том же зале, что и она, в то же время… и теперь спасший ей жизнь.

Сейчас, когда она не просто скользнула по нему любопытным взглядом, а получила возможность разглядеть вблизи, Женя обнаружила, что у него куда больше необычных черт, чем она запомнила. Он снова был в солнечных очках, круг-

лых и серебристо-зеркальных, подчеркивающих необычный оттенок волос и скрывающих его глаза. Кожа мужчины была фарфорово-бледной, словно жаркое лето прошло мимо него, не заметив, – или он удачно скрылся от солнечных лучей в какой-нибудь темной норе. Причем кожу эту можно было бы назвать идеальной, лишенной и воспалений, и морщин, если бы не одно огромное «но»: лицо мужчины покрывала сложная сетка шрамов.

Женя еще никогда таких не видела. Шрамы были аккуратными, белесыми и тонкими, поэтому она и не заметила их в кафе. Но на таком расстоянии не заметить было невозможно. Шрамы сплошными полосками исчерчивали его лицо вертикально и горизонтально, пересекаясь под разными углами. Если бы разрезы были сделаны лезвием ножа, они наверняка изуродовали бы мужчину – слишком уж много их было. Но тут определенно орудовали чем-то поменьше, а чем – Женя и представить не могла.

Это и не волновало ее по-настоящему – на фоне всего остального. Она шарахнулась от мужчины, скатилась с него на асфальт, неловко поднялась. Он, удивленный такой реакцией, не мешал ей. Он не пытался напасть на Женю, наблюдая за ней с легким любопытством, чуть наклонив голову набок. Когда она кое-как поднялась, он ловким, явно отработанным движением подскочил на ноги, Женя даже не поняла толком, как у него это получилось.

– Вы кто такой? – напряженно спросила она, не сводя глаз

с незнакомца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.